

КУЛЬТУРНОЕ
НАСЛЕДИЕ
РУССКОГО
СЕВЕРА

УДК 930.8(=471.11)(082)
ББК ТЗ(2)-7(2Р-4Арх)я.431
К90

Редакционная коллегия:
А. Н. Власов, И. Л. Бусева-Давыдова
(ответственные редакторы),
И. Г. Котова (секретарь)

Составитель:
З. Н. Мехреньгина

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда согласно проекту № 09-04-14050 г.

К90 Культурное наследие Русского Севера: память и интерпретации :
К 90-летию Сольвычегодского историко-художественного музея. —
СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2009. — 264 с., 8 с. вклейка.
ISBN 978-5-91476-021-9

Сборник содержит материалы и исследования по истории церковного искусства и традиционной культуры Русского Севера и посвящен 90-летию Сольвычегодского историко-художественного музея. Среди авторов — специалисты, представляющие различные области научного знания: искусствоведы, музыковеды, филологи, фольклористы, историки и др. Адресована книга не только специалистам, но и всем, интересующимся проблемами изучения культурного наследия Русского Севера.

УДК 930.8(=471.11)(082)
ББК ТЗ(2)-7(2Р-4Арх)я.431

© Сольвычегодский историко-художественный музей, 2009
© Коллектив авторов, 2009
© Издательство «Пушкинский Дом», 2009

ISBN 978-5-91476-021-9

Лингвостилистические особенности вычегодских сказок (по современным записям Сыктывкарского государственного университета)

Сказка — один из редких фольклорных жанров, фиксируемых современными собирателями. Прочнее всего в памяти носителей традиционной культуры сохраняются бытовые сказки и сказки о животных. Волшебные сказки, как правило, явление в собирательской практике редкое, и потому их фиксацию можно охарактеризовать как удачу. В 2005 г. членам фольклорно-диалектологической экспедиции СыктГУ посчастливилось сделать запись нескольких сказок от Аполлинарии Михайловны Соловьевой (Поли Маленькой) 1921 г. р. в д. Игнатовской (Кузино) Вилегодского района Архангельской области (территория бассейна р. Вычегды). Были записаны семь оригинальных сказочных сюжетов в нескольких вариантах: три сюжета волшебных сказок (о Василии Девкином сыне, о Димитрии-царевиче и Елене Прекрасной, о Димитрии-царевиче и Идолище), три сюжета бытовых сказок (об Оле-плуте, о сыне-воре, о невесте-свинье) и один сюжет сказки-бывальщины о подмененной дочери.¹ Сказки о Василии Девкином сыне, о Димитрии-царевиче и Елене Прекрасной, об Оле-плуте и о подмененной дочери записаны полностью в двух вариантах; сказки о Димитрии-царевиче и Идолище, о невесте-свинье представлены только фрагментами; сказку же о сыне-воре, зафиксированную в общем-то практически полностью, по некоторым особенностям организации текста и языка можно охарактеризовать как редуцированный вариант текста. Эти сказки Аполлинария Михайловна помнила с детства: в ее семье их знали и любили рассказывать. Волшебные сказки были рассказаны ей отцом, бытовые сказки — матерью, сказку о невесте-свинье рассказывала невестка, жена старшего брата. Нужно отметить, что подобное отношение к этому фольклорному жанру долгое время поддерживалась местной культурной традицией: исследование бытования фольклорных жанров Виледи показало, что еще в недавнем прошлом здесь обнаруживалась высокая степень развитости сказочной традиции.²

¹ Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета (далее — ФА СыктГУ), Вилегодское собрание: 04105-27, 04105-42, 04105-43, 04106-3, 04106-23, 04106-27, 04106-28, 04106-29, 04107-2, 04122-40, 04123-2. Собиратели — Т. Н. Бунчук и Е. А. Шевченко.

² См.: Канева Т. С. Сказки // ТФВ. С. 126–138.

В данной статье будут рассмотрены лингвостилистические особенности текстов волшебных сказок как наиболее выразительные с точки зрения сказочного текстообразования.³

Сюжеты волшебных сказок были, возможно, привезены отцом Аполлинарии Михайловны из немецкого плена, куда он попал, будучи солдатом Первой мировой войны. Пленники, выходцы из разных российских губерний, по предположению Аполлинарии Михайловны, могли рассказывать друг другу сказки, чтобы скоротать время. Такая «биография» волшебных сказок лишь усиливает их значимость для изучения структурно-семантической и языковой организации русских сказочных текстов: потеряв связь с обрядовым дискурсом и, следовательно, с магической прагматикой, пройдя сквозь «фильтр» пространства, времени и памяти, тексты тем не менее сохранили ключевые в народном понимании сюжетные линии и необходимые языковые элементы. При исполнении текста сказки Аполлинарии Михайловне важно было их воспроизведение, так как именно они должны были оказать воздействие на слушателя. Сказочница, исполняя волшебные сказки, не заботилась о сохранении логики повествования и выражении внутритекстовых связей: организация сказочных текстов осуществлялась относительно не только и не столько событий, которые происходили с главными героями, сколько языковых формул, обязательных для данного типа текста, они же являлись и средством ритмической организации текста. Тем самым исполнение сказки оказывается сродни исполнению, например, лирической песни, требующей знания сюжетной канвы, поэтической фразеологии и ритмико-мелодической организации текста, а также особой исполнительской подготовки — наличия голоса и слуха. В этом отношении выразительным подтверждением «родства» фольклорных жанров в сознании носителей традиционной культуры является комментарий, который делает Аполлинария Михайловна во время исполнения сказки о Димитрии-царевиче и Елене Прекрасной (сходными комментариями, как правило, сопровождается исполнение песенно-поэтических текстов): «Это я не этим голосом говорю, теперь у меня, видишь, перехватывает, у меня голос хороший был» (ФА СыктГУ 04106-27). Такая ремарка свидетельствует об осознании места текста в системе традиционного мировидения: рассказывание сказки не пустое, развлекательное занятие, а действие важное, сейчас уже с плохо осознаваемой мотивацией, но с отчетливо понимаемой значимостью, которое требует подготовки и определенной степени мастерства.

³ В приложении приведены тексты и фрагменты текстов записанных волшебных сказок. В текстах сохранены некоторые особенности вилегодского севернорусского говора.

Все текстообразующие языковые элементы вилегодских волшебных сказок, которые являются и средством их стилистической организации, можно классифицировать в зависимости от их структуры и места в лексической системе языка.⁴ В исследуемых текстах выявлены следующие разновидности специфических языковых элементов: сочетания с эпитетами (атрибутивные сочетания), сопряженные пары, тавтологические сочетания, повторы, счетные конструкции, общие места, слова с эмоционально-экспрессивными суффиксами, диалектная и заимствованная лексика.

Сочетания с эпитетами — одна из характерных групп стилистических средств волшебной сказки, их функция — увеличить содержание понятия, выраженного определяемым словом, и одновременно его конкретизировать. В сказках А. М. Соловьевой использованы преимущественно постоянные эпитеты, входящие в общерусский фонд фольклорных эпитетов. Структурно эти элементы представлены сочетаниями с **эпитетами в препозиции** (*медный дворец, золотой дворец, серебряная вода, царёв сын, погано чудовище, трехглавое идолице, добрый молодец, богатырский сон, чисто поле, бел шатер* и др.), с **эпитетами в постпозиции** (*царевна прекрасная, река огненная, девушка молоденька, зеркало волшебное, Димитрий млад, змей трехглавый, дорога большая, битва хорошая, дворец серебряной* и др.), **трехчленными конструкциями** (*девушка молодая, красивая; хорошая девушка одна* и др.). Большую группу составляют **эпитеты-приложения** — *девушка-красавица, Димитрий-царевич, служанка-девушка, скатерть-самосбранка, шапка-невидимка, собачки-кучеры, щука-рыба* и др. Среди таких эпитетов отмечаются сложные многочленные конструкции в виде словосочетаний — *Василий Девкин сын, Елена Прекрасная Золотая коса* и даже в виде предикативной единицы — *Платок Брось-на-реку-сделается-мост-платок-уберешь-мосту-нету*. Сочетания с эпитетами используются преимущественно для характеристики персонажей, волшебных локусов и чудесных предметов.

⁴ При характеристике языковых элементов сделана опора на признанные в этой области работы А. Н. Веселовского (*Веселовский А. Н. Историческая поэтика*. Л., 1940), И. А. Осовецкого (*Осовецкий И. А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания*. 1975. № 5. С. 82–91), А. П. Евгеньевой (*Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв.* М.; Л. 1963), А. Т. Хроленко (*Хроленко А. Т. Поэтическая фразеология русской народной лирической песни*. Воронеж, 1981), а также Н. М. Ведерниковой (*Ведерникова Н. М. Русская народная сказка*. М., 1989) и др. Для анализа языка волшебных сказок («Димитрий-царевич и Елена Прекрасная» и «Василий Девкин сын») были привлечены тексты сказок, записанные от А. М. Соловьевой, которые были опубликованы в сборнике местных слов, выражений, прозвищ, сказок, пословиц и поговорок «Вилегодская говоря», изданном Е. Г. Байбородиной и Н. В. Полушиной (М.: Изд. дом «Звонница-МГ», 2007. 125 с.).

Другая характерная особенность сказочного текста — наличие сопряженных пар (репрезентативных и синонимических пар). Активное использование последних в фольклорной поэтической фразеологии может быть объяснено их структурно-семантическим свойством формульности: составляют, как правило, слова с традиционным символическим значением, компоненты пары могут объединяться ритмически (рифмоваться), семантика пары выражает целостное понятие. В текстах исследуемых сказок обнаружены следующие разновидности сопряженных пар. Во-первых, **репрезентативные конструкции** (они объединяют слова одной лексико-грамматической группы, называющие разные понятия и находящиеся в отношениях семантической дистрибуции, однако в тексте эти конструкции выражают одно, целостное значение) — *отец-мать, ноги-руки, море-океан, сад-огород, лошади-жеребцы, живое-сухое, напились-наелись, проехал ли прошел* и др. Как разновидность репрезентативной конструкции можно охарактеризовать трехчленное сочетание *на реке ли, на воде ли, на земле ли*, где первые два элемента находятся в квазисинонимических отношениях, а также *храни, и пой и корми*, где первый элемент *храни* выражает обобщенную семантику всего сочетания. Во-вторых, **синонимические конструкции** (они объединяют слова, называющие одно понятие, но с разных сторон) — *бабушка-старушка, зазвенело-забречало, заволновалось-забушевалось, спит-отдыхает, налюбовался-надружился, набили-настукали, сносил-свалил, увидела-опознала, озираться-оглядываться, не сказывать, не говорить, дерутся да спорят* и др. Кроме того, Аполлинария Михайловна усложняет такие конструкции, включая третий элемент: *налюбовался-накрасовался-насмотрелся досыта; ходит она, гуляет; окупался, весь вымылся*. Подавляющее большинство синонимических конструкций, которые использует сказочница, представлено парами глаголов, что можно объяснить значимостью глагольных лексем для текстов, в которых мотив движения является сюжетообразующим: в таком случае актуализация лексем с общим семантическим элементом 'действие' вполне закономерна.

Тавтологические сочетания и повторы также являются выразительным стилистическим средством. Среди тавтологических сочетаний, использованных А. М. Соловьевой, можно отметить *ехал-попоехал, битый-набитый*. Значительно больше буквальных повторов: во-первых, глагольных лексем (*поеду, поеду; строят, строят; пошел, пошел; ехали, ехали* и т. д.), а во-вторых, предлогов и частиц (*за реку за огненную; в возрасте не в маленьком; до той дорожки до большой; в саду там в огороде; за морем за рекой; на щучке на голове; по той по левой дорожке* т. п.). Такие конструкции выполняют важные для текстообразования функции: являются средством коммуникативной актуализации отдельных лексем или отдельных фрагментов текста, выражают семантические оттенки

понятия, например, уточняют характер глагольного действия или степень интенсивности проявленного признака и, кроме того, создают ритмический рисунок текста.

В качестве текстообразующих элементов анализируемых сказок выступают **конструкции с числительными**. Используются сочетания с числительными *три, шесть, семь* и *девять* (*три сына, три вещи, три года, семеро детей, трехглавое, шестиглавое, девятиглавое идолище* и др.). Все эти числительные имеют символический характер в русской народно-поэтической картине мира, однако в качестве доминирующего числительного выступает *три*, а остальные числительные в сочетаниях оказываются преимущественно результатом утроения отдельных атрибутивных деталей — *шестиглавый, девятиглавый, событий — три раза в неделю, три раза в месяц, три раза в год* (3 × 3 — неделя, месяц, год). Числительное *семь* в сочетании *семеро детей* появляется в тексте сказки не случайно: в русских сказочных текстах эта лексема имеет выраженную валентность — она сочетается со словами, обозначающими детей и детенышей (*семеро козлят, семеро сыновей, братьев* и т. д.). Тем самым употребление слов-числительных является не только средством выражения мифо-символической семантики, но и выразительным стилистическим средством, формирующим характер текста.

Особое место в лингвостилистической организации сказок А. М. Соловьевой занимают так называемые **общие места** — художественно-поэтические штампы, выполняющие в основном функцию содержательно-композиционных элементов. В исследуемых текстах это обрамляющие (начальные и конечные) и медиальные формулы. Аполлинария Михайловна, начиная повествование, использует традиционные зачинные формулы: *жил-был царь, у царя были три сына* или *жили-были три брата*. Формулы-концовки в исполнении вилегодской сказочницы более разнообразны: от развернутых *Стали жить-поживать и добра наживать* или *Я там была, пиво пила на свадьбе-то, дак пиво беда хорошее, густое, дак по губам текло, а в рот не попало* до кратких *щучка да елец — сказке конец*, или *Вот такая сказка была*, или даже *Вот и все*. В одном из вариантов сказки «Василий Девкин сын» Аполлинария Михайловна использовала сразу все эти концовочные формулы одновременно. В качестве медиальных формул используются конструкции со значением пространственного перемещения (*ехали близко ли далеко, по земле широко*), временного промежутка (*много ли мало времени прошло; долго ли коротко жила*). Медиальные формулы выполняют функцию сигналов смены текстовых регистров, указывая на конец одной микротемы и начало другой. В этом смысле к традиционным поэтическим формулам волшебной сказки приближаются такие устно-разговорные элементы, используемые сказочницей, как *Ну ладно, хорошо; И вот; И вот знаешь что; Давай*. Кроме содержательно-композиционных

элементов, к общим местам можно отнести и устойчивые текстовые фрагменты, имеющие афористический или ритмизованный характер: *Телом слаб, годами млад; Его сюда и ворона в пузыре не принесет; Долго не думая, слов не говоря; У царя слово — закон!* и т. д. Сказочная формула может иметь форму диалога, например, в сказке «Василий Девкин сын» разговор Василия и Идолища: *«О, какой добрый господин, царь, одного просил, а двух прислал!»* А Василий и говорит: *«Ох, погано чудовище, ни одного не съешь, одним подавишься!»* Или в сказке «Димитрий-царевич и Елена Прекрасная» разговор Елены Прекрасной и ее сыновей: *«Маменька, маменька, едет наш папенька!»* — *«Это не папенька ваш, а дяденька ваш, бежите ко ему, сделайте спину-ту мягче брюха!»* и др. Эти формулы-диалоги повторяются в пределах одного текста и, кроме того, имеют устойчивый характер: в нескольких вариантах записи они стабильно, почти дословно воспроизводятся сказочницей. Наличие этих общих мест отличает волшебные сказки, рассказанные А. М. Соловьевой, от бытовых сказок, в которых удельный вес таких формул очевидно меньше, и формирует особую — не разговорную, не бытовую — речь волшебных сказок, обозначая специфический статус данных фольклорных текстов.

Наконец, необходимо остановиться на группах лексики, употребляемой Аполлинарией Михайловной при создании текстов сказок. Обращают на себя внимание слова с эмоционально-экспрессивными суффиксами, диалектная и заимствованная лексика. Исследователями языка фольклора давно замечено, что для народно-поэтической речи характерно широкое использование **слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами**, и потому их наличие в тексте может служить маркером небытовой речи. В вилегодских волшебных сказках отмечены такие лексические образования: *маменька, папенька; кроватка, щучка, пальчик, ленточка, собачки, косточки, крылечко, времечко, сыночек; батюшко, царюшко, сторонушка, головушка* и т. д.

Количество **диалектной лексики**, встречающейся в тексте волшебных сказок, относительно невелико. Сказочница, подсознательно понимая особый статус этих фольклорных текстов, избегает употребления местных разговорно-бытовых слов и выражений. В анализируемых сказках были отмечены лексические диалектизмы *зыбка* 'детская колыбель, подвешиваемая к потолку на шесте', *обрадеть* 'обрадоваться', *опахнуться* 'отряхнуться, сбить с себя пыль', *росстань* 'перекресток, разветвление дорог', *успасться* 'устать после энергичных действий', *зукнуть* 'сообщить, дать знать о чем-либо голосом'; семантические диалектизмы — *пышный* 'толстый, с округлыми формами', *пятно* 'метка на каком-либо предмете, зарубка', *пристрастить* 'припугнуть, пригрозить', *сычи* 'неприглашенные гости на свадьбе'; грамматические диалектизмы — *дожидать, поймалась за его* и т. д. Диалектизмы вполне

закономерно не носят устойчивого характера и обычно не повторяются в разных вариантах текста.

Другое отношение отмечается к использованию **заимствованных слов**. Несмотря на их также небольшое количество в тексте, воспроизведение лексем носит стабильный характер: они повторяются во всех вариантах текстов. Заимствования, отмеченные в волшебных сказках, можно охарактеризовать как внешние заимствования (заимствования из других языков) — *фонданы, афиши, траур, ешефот, диван* и внутренние (заимствования из книжных стилей русского литературного языка) — *провода, признаки, препятствие, преграды, отходы, картина, требовать, строго, в возрасте, пожилая женщина*. Эта квалификация заимствований носит условный характер, так как для диалектной среды, где функционируют тексты волшебных сказок, все эти лексемы имеют один источник — городская чужая речь. Именно это отношение и формирует их функциональную особенность в тексте волшебной сказки, имеющей мифологические корни. Наличие в тексте чужих, малопонятных (а значит, имеющих потустороннее происхождение) слов усиливает, по мысли носителя традиционной культуры, магическое воздействие сказки на слушателя и формирует ее как особое структурно-семантическое образование. Роль заимствованных слов очевидно обозначается при сравнении с лексической организацией бытовых сказок, в которых заимствованные слова не отмечены.

Итак, исследовав язык волшебных сказок, недавно записанных в Вилегодском районе Архангельской области, можно определить их как классический пример сказочного текстообразования. Создание текста ориентировано на воспроизведение словесных комплексов, оно важно не менее, чем воспроизведение сюжетной линии. Варьирование языковых элементов в пределах текстов с одним сюжетом, как показало наблюдение, ограничено символической семантикой и ритмической организацией текста.

Приложение

Василий Девкин сын

№ 1. Один мужичок, у его шибко много детей было — семеро. Он рыбку ловил. Попала ему щука, а на щуке на голове написано: «Хто, хто эту щуку-рыбу съест, тот родит сына». А у царя не было детей, ему надо было сына. Давай, унесу царю, дак нам хоть чего там — царь даром не возьмёт.

Принес эту щуку. Оне с радостью взяли, а служанка — ведь служанка была у царя — эту щучку, серёточку там нажарила — это царица ела, а эта служанка головку ела да тут тожо всё поела тожо. А собакам — косточки, а там лошади,